

ИИ

ЭКОТКАКТИА

ЗАУДОШНО

БОКА

ИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Mortemer

Экстрактив загробного бога

«Автор»

2026

Mortemer

Экстрактив загробного бога / Mortemer — «Автор», 2026

Сборник рассказов от мёртвых и неродившихся. Гнилой бог - исповедь и история посмертия демоноподобного духа - начальника бригады загробного мира по душожорству. Трупный возраст - большие последствия небольших проблем и добро в зле. Король ада - выкидыш из общества психически больного . Горящий воздух - Апокалипсис. Мир снов стал реален, а физический мир хрупок. Бог ушёл, а ты остался, и то не весь. Ты же поднимаешься? - метафизические последствия алкоголизма и потери ответственности. Черный ветер - рефлексия мага, что не умеет кастовать фаерболы. Зато умеет заставлять людей работать. Это страшнее, ведь контрзаклинания "трудовое законодательство" не существует. Опять - какая-то случайная поэма. Читать, если захочется жить, а уже скоро придется умирать.

© Mortemer, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Mortemer

Экстрактив загробного бога

Глава

Предисловие

Серый туман моей тоскливой жизни развеяло случайное знакомство в «курилке» медицинского общежития. Дыша ядом табачного дыма, я загонялся. Размышлял о чем то вроде что бы я написал на своем надгробии или типа. Я болел ни то БАР-2 ни то хронической сопливостью, так что это было для меня чем то вроде рассказывания анекдотов другу. Задумываясь о своей жизни, я в очередной раз... поймал себя на мысли что уже все перемыслил и лишь чувствую усталось. Просто докуривал с пустой головой. Вскоре приятный голос попросил сигарету. Я обернулся и успел заметить, как её рука уже почти спрятала свою сигарету в карман шорт. Мне было тяжело заставить себя что то сказать, так что я просто поделился содержимом нищей, мятой пачки. Я не очаровался ей, поэтому заставлять себя заводить разговор не стал. Но она спросила имя. С большим трудом я возвратился с свинцового пляжа у ртутного моря своей вполне себе медицински заверенной депрессии, закрыв

Глаза для сосредоточения, с усилием ответил.

— Мортемир.

Очень скоро, но плавно, мы начали встречаться. Стандартная история. Кофе, разве что разговоров о давно умерших богах, злобных демонах и висельнике Паше, что виделся нам обоим на общей кухне. Вскоре она съехала с общаги в квартиру в соседнем районе. Причину описала так: «Простоквашино смотрел? Там Федор заселился в ничейный дом вместе с псиной и кошаком. Вот и мы с девочками заселились в такую же ничейную квартиру. Долгая история.» Несколько раз она меня туда приглашала. Этой ужасной, ужасно-мудацкой зимой, у меня было дело в этом районе. Я околел и решил зайти к ней погреться. Дом – старая сталинка, но за бесплатно – жаркий рай, посреди ада холода. Мне долго не открывали, я даже успел почувствовать досадный осадок лёгкого отчаяния. Но дверь раскрылась раньше, чем меня оно меня успело накрыть. Там стояла она, в кофте на голое тело.

— Ты че пришёл? А позвонить?

Ее приветствие оказалось досадным оттенком краски реальности, на моем холсте замученных иллюзий. Но я привык, мой рисунок и так был забрызган гноем и желчью.

— Рядом был, решил зайти. Замёрз.

От холода мой язык сковало, я с трудом мог собрать буквы в слова. Тяжело вздохнув и окинув моё дрожащее тело сомневающимся взглядом, она ответила:

— Ну заходи... раз пришёл.

Чувство нежеланного гостя было кристально понятно подано, но замученность вселяла уверенность.

— Помешал? Она молча повернулась и сказала мне сидеть на диване в зале и ждать её. Сквозь слезы и талый снег на глазах, я увидел позади неё мелькающие тела и свет огня за незакрытой дверью, куда она сама и ушла. Послушно сев на старый, скрипящий диван, я закрыл глаза, наслаждаясь ощущением схожим на погружение в горячую воду в ванной... сколько лет в общаге живу, столько лет мечтаю об этом. В этой квартире, по заверению "дяди Фёдора", ванная слишком убитая, к сожалению. Комната с ней просто заперта, как она мне говорила. Я мучительно взглянул на не и неожиданно, она оказалась открыта. С мечтательной мыслью о

неожиданном ремонте, я решил тихо заглянуть туда. И лучше бы я сидел на диване. В ванной (вполне обычной, кстати) лежал мужик. Живой, но в неменозе. Он увидел меня и начал громко мычать. Видел таких, он под продолжительной героиновой ломкой. Прибежала моя девушка со стаканом, чего-то горячего в руках. Бешено глядя на меня, она мягко сказала: «Выйди пожалуйста». Прошла в комнату и почти приказала пить ломаче зелёный чай. Я сел на своё место, а она принесла мне второй стакан со словами:

— Мы пустили его отогреться. Попей и подожди ещё немного.

— Какая опасная доброжелательность.

Отозвался я и заматерил себя... «Какая, блять, доброжелательность, кретин? Добродушность.» С этой самобичующей мыслью я погрузился в тяжёлый морфей, с горячим и колющим ощущением в затылке растекающимся медленно по всему телу. Я посмотрел на свой затылок – да действительно, из него торчит грубый ритуальный нож. Меня убили, я мёртв. К удивлению, если мою бесчувственную мысль можно так назвать, я оказался заперт в этой квартире с своим трупом наедине. Меня это... устроило. В незапертой комнате оказалась начерчена кровью и мелом сигл призыва демона мудрости. Сигл напоминает духовой инструмент с перевёрнутым крестом под ним и извилистым хвостом перед ним. В ванной осталось море не утёкшей крови и куски мяса. Мне кажется, что я тут заточен намеренно. Я просто не чувствую ничего, что держит меня в этой квартире. И самое удивительное и очевидное, я могу взаимодействовать с предметами. К радости, здесь оказалось множество оккультной литературы. Распечатки и даже интересные текста от руки. Что примечательно, подписан лишь один текст именем "וּשְׁאָנִי". Князь, помогающий найти потерянное. Привлекло особенное внимание собрание текстов на разных странных языках. Чернила были очень толстые и жирные, буквально рельефные. Благо, я мог их прочесть. И, конечно, огромное количество чистой бумаги и письменных принадлежностей. Я почувствовал то, чего был лишён при жизни – сил. Меня не прибывала к земле невыносимая тяжесть моего бытия. Отдавшись своей нереализованной мечте, опираясь на заметки и книги я стал писать. Это что-то вроде перевода на человеческий язык теорий, видений, заметок и интервью. Постарался описать все на понятных примерах и понятным языком.

Мортимер

Гнилой бог

Пьяные дебоши родни дома, пьяные приключения на улице. Сломанные ноги в мошах, сломанные судьбы на хатгах. Серые дома, серая судьба. Не успев закончить школу, я успел закончить жизнь. Случилось это, конечно, неожиданно. Да, хоть я и буквально ждал своей смерти и жил посреди разложения, это было неожиданно. Соль, скорость или даже просто этилен... или этанол. Эти два слова я всегда путал и для меня главное было одно – убивает сознание и это главное. А теория про «головы» и «тела» меня не интересовала. Теперь у меня самого нет ни головы не тела. Но... я мыслю. И существую. И я дома. Со своими... мамой и папой. И голос мой будто трясётся, хоть и нет его совсем, произнеся эти два слова. Никогда не называл их так раньше. Впрочем, я их никогда раньше не видел трезвыми. На моих... мне сложно сказать. В общем при последней нашей встрече отец наливал водку дрожащими руками и перелил за край рюмки. И после тоста... вернее речи: «Я не хотел для него такой судьбы. Я не хотел, что б он повторял мою. И он не повторил» отец заплакал. Впервые в жизни. И впервые бросил рюмку и больше никогда не пил. Ему удалось это невероятно тяжело. Больше года постоянно снился алкоголь. Такой вкусный и сладкий. Красивые и благородные коньяки и виски. Ароматные и плотные пинты пива. Домашняя медовуха, про которую и говорить ничего не нужно. Хотя после стольких лет алкоголизма он и вкус и запах лака не почувствует. Он выдержал этот соблазн. Мать. Мама. В тот день даже встать не смогла из-за стола. И вообще те

дни не запомнила. Один лишь мрак и чернота. Она только смотрела на эту несчастную бутылку водки и видела, как я там тону. Тону долго и мучительно. Захлёбываясь и обжигаясь, и кожа моя как у младенца нежная, и душа чистая, и молодой и жить бы да жить. Но в пьяных криках и воплях меня не стало.

Среди пьющих, а точнее, бухающих. И не ради памяти и традиций, не из-за горя или скупой прагматичной любви к дарованному, а ради чрева. Товарищи. Друзья, подруги. Алкоголики и наркоманы. Их тела я видел только как объёмную тень с заманчивым ореолом разных цветов, покрытых чем-то вроде пиявок. Не по виду, но по сути. Я видел лица только отца, матери и ещё двоих парней. Нет, они не мои лучшие друзья или виновники смерти. Просто школьные парни, с которыми я общался в довольно давние времена, когда я ещё посещал уроки. А учитывая, что умер я недавно, в школе я был разве что, когда бухали родители и при этом не бухал я сам. Давно в общем. Нас с ними связало, кроме того, другое. Это, честно говоря, до стыда глупо и просто. После уроков (конечно же не всех, а от силы 2-3) мы в ближайшем дворе, где можно присесть разговорились. Да они мне и продали свои души за 1 бутылку браги и 1 неполную бутылку вымороженного из неё же самогона на двоих. Они ни во что не верили, а бутылки были перед ними. Тогда я только осваивал искусство превращать заплесневелое варение в алкоголь и мне нужны были подопытные. Кислило, правда, из-за того, что я недопонял процесс и передержал. Ссыпал соду перед каждым глотком и это выправляло ситуацию. Ритуал продажи, я по понятным причинам, не помню. Всё-таки что такое «головы», я так и не узнал.

Теперь я чувствую их и более того. Я часть их. Мои родители и эти двое и есть вместилище моего сознания. Я их мысли, что нельзя заглушить. Я могу в какой-то мере управлять ими в пьяном бреде и являться в сонных параличах. И самое главное – я существую за счёт их. Они слабеют, когда я рядом. Их сияние тускнеет и нить их жизни перетекает ко мне. Но родителей мне было жаль сознанием. Вернее, им самим стало себя жаль, ведь я их сознание. И в то же время они ненавидели себя, ведь их ненавидел я. В то время самосознание у меня было крайне слабым. Я был невидимым животным, клещом, что вцепился в свою семью. Они видели меня во снах и это их не радовало. Я представал перед ними в своём новом облики. Оно индивидуально и зависит от человека. Мать меня видела пугающего вида ребёнком с чёрной дырой вместо рта засасующего её. Отца я просто избивал ночами. Как и он меня когда-то. Всё таки – прощение это проявление воли. Воли у простого демона нет. Демона в обывательском смысле, слово «метафизика» и все связанное я узнал лишь в своём посмертии.

Время для меня шло совершенно незаметно. Через несколько лет умерли и вместилища "моих душ", купленных за пьяное утро. Сначала один, а через пару лет второй. Мы встретились на той же лавочке, где совершили шуточный ритуал. Они были недовольны, ужасно недовольны и злы. На себя, на меня и их ублюдские (а после моей смерти, их жизнь особым благочестием не отличалась) ублюдские жизни и поступки. Вскоре, их окатило отчаяние. Мы связаны. Я владею их душами. не бог/Бог, ни менеджер темны сил. Просто школьник-алкоголик. Не ад или рай и не пустота. Работа. вечная работа. На меня. Без моей воли или приказа, а просто по естественности - их не упокоенные души, не привязанные к одной местности, появлялись в домах их смерти и доме своих родителей. Тогда я словно проснулся. Осознал себя как существо, пусть и разделённое между несколькими живыми людьми, чьи мысли мне подвластны. Люди, проживающее теперь в домах "моих душ", говорят с ними. Задабривают едой и в целом оказались удачно суеверными. Мои родители перестали верить во что либо. Их жизнь сейчас - вечное переживание моей смерти. Родители "моих душ", чувствовали их присутствие и молясь за них, постепенно начали молиться на них. Учитывая сотни раз повторенные обстоятельства - я рос.

Лет через 10. плюс минус лет 5, ко мне обратились. Я был почти удивлён. Обращались, конечно, не совсем ко мне. Новый жилец одной из квартир рассказал кому-то про слишком активного домового. Они пригласили эзотеристов. Наверное, впервые за свои 40-45 лет эта компашка теоретиков действительно встретила мистику. Точнее меня. Я явился к ним. Вызывали они меня не для "веселья". Чаще всего подобные забавы вместо хи-хи ха-ха, подобны глотку воды из лужи на спор. Ради минутного веселья подцепить паразита на всю жизнь и даже не подозревать об этом. Но, я честно их выслушал. Мне даже было увлекательно и азартно. Вероятно, это были их чувства, что распространились на меня. Не ушами, но иным способом я их понял. Вопреки первому впечатлению, их мистический опыт не ограничивался на мне. Они предложили мне работу. При жизни я этого дела брезговал. Вертелся иными путями, но сейчас я уже не чувствую ни лени, ни давления окружения. Они предлагают тридцать две серебряные монеты. Меня действительно поразило, то, что они плотные. Я могу их взять, руками. Пусть руки мои, одновременно в нескольких местах, расстеленные по пространству, но пока я держу эту монету – я здесь. Как при жизни, здесь. Это... эта плотность, телесность, оно есть. При этом я не мог увидеть, что изображено на них.

Заплатят мне эти чудесные деньги за изгнание какой-то нечисти и своего покровительство на месте его обитания. Я согласился. Моё прижизненное безрассудство отразилось на моем "решении". Хотя, решением это назвать сложно. Не было суждений или плана. Предомыслием, как перед животным поманили морковкой и я пошёл. Ну, как пошёл. Эзотеристы взяли какие-то личные вещи одной из моих душ и призвали меня в другом месте. Я ощутил его. Это белый ареол, но белый не как чистота, а как пустота. Никакого сознания, только простые реакции. Почувствовав меня, он проявил непонятную, пустую и безэмоциональную агрессию ко мне. Не чувство и не эмоция, а скорее код или алгоритм. Поведение скорее напоминало муравья. Пока он приближался ко мне, свободно перемещаясь по ограниченному пространству без видимых стен (ещё бы я их видел, без живых глаз), я обнаружил, что замер в кругу призыва. Что-ж, делать нечего. Пришлось встречать там, где стоял. Вернее находился. Моё "тело" обрело довольно чёткую форму. Я почувствовал свой черный, пустотный и всепоглощающий ареол и увидел выставленную перед собой руку, с вытянутыми как огромные шприцы, пальцами. Дух зверя (не зная метафизических терминов, чтобы не ломать свой астральный язык буду называть вещи по бытовому). Дух зверя, принявший форму пса или волка, кинулся на меня и налетел на мою левую руку. Она погрузилась в него, как жало комара или скорее жало овода в скотину. Второй рукой, ударом с низу, я попытался рассеять его. Рука увязла в его теле как во сне. Бывает такое, бьёшь кого-то во сне и совсем не можешь приложить силы. Тут было нечто похожее. Мои жизненные инстинкты (а вернее алгоритмы действий) закончились, и я начал "поглощать" эту сущность. Зверь растворился и агрессивное намерение исчезло из окружающего меня пространства. Я увидел людей вокруг себя и всякую астральную дрянь. Страх, благоговение. Чувствую, как кто-то радостно плачет, у кого-то трясётся челюсть, руки, душа. Я потянул руку в их сторону, и они потянули ко мне свои, замороженные мной. Что они делают? "Деньги" пытаюсь сказать я и тру указательный и большой пальцы. Они отлетают от меня, и один из них кладёт на мою руку поочередно тридцать две монеты. Они растворяются во мне, но при этом я имею к ним доступ. Это странно, не думал, что это может так работать. Я ушёл оттуда

Теперь я получил возможность размышлять. Технически, я был способен и раньше, но сейчас я будто выпал из апатии и "прижизненного" сна и первым делом подумал куда девать деньги. Мне не нужно есть, я бросил пить. Впрочем, как и жить вообще. Вкладывать некуда. Большую часть денег я решил отдать своим маме с папой. Настрадались, хватит. Немного поло-

жил в квартиры своих подопечных душ. Я не совсем понял, как это сделал. Было чувство, что я пытался пролезть по очень узкой пещере из упругих мешков с водой. Довольно странное чувство. Как я понял я положил монеты под кровати за шкафы и прочую мебель... как они найдут? их дело, а своё я сделал. Не могу сказать, что мне стыдно за свой паразитизм. Все же, они сами виноваты. Все они. И продавшие мне душу и мои мать с отцом. Хотя, случайными жертвами можно назвать только новых жильцов квартир, где жили мои души. Осознав себя и свой энергетический ресурс, я занялся его менеджментом. Во-первых я прекращаю питаться людьми. Я почувствовал облегчение, дыхание свободы и жизни которые принадлежало и мне и тем, кому я прицепился. Хорошо, что мои родители, ближе к своей смерти, нашли спокойствие в жизни. Надеюсь, эти монеты коллекционные и они смогут их продать... если найдут. Жаль не нашлось более заметного места. Поглощение духа псины, дало мне очень много сил, но они расплылись со временем. Так что, мне придётся вернуться к паразитизму со временем. Ведь я не могу перемещаться, где и как хочу, что бы искать подобных астральных существ. Как хорошо, что после смерти нет стресса ни тревоги. При жизни я бы уже загнал и догнал

Со временем... не понять, большим или малым, ко мне пришло озарение. Я умру. Мои родители в ту неделю жаловались друг другу на фрустрацию и панику без причины. Это из-за меня. То, что я испытал в момент осознания, что я смертен и более того, абсолютно смертен. Без шанса на стабильную загробную жизнь. Живыми чувствами не передать. Это не ужас и не страх. Это пустота. Как же так? Бог создал посмертие, но и после этого я буду вынужден умереть? Исчезнут люди, рано или поздно, исчезнут мелкие духи и исчезну я. Кроме того, и меня самого может поглотить демон или князь и что тогда? Точно ничего. Никакой надежды. Боже, это и есть ад? При жизни, я о смерти старался не думать. Ведь я был молод и просто не верилось в собственную смертность. Понимал, да, когда-нибудь я умру. Но случится это совсем не скоро и будет время попереживать. Но я не думал, что и после смерти меня ждёт страх пустоты небытия. Со временем, не сказать что сильно большим, я нашёл множество путей в родительский дом. Сквозь эти "пещеры" и перемещался внутри, относительно свободно. Некоторые части комнат и отдельные места, мне были недоступны. К примеру иконостас. Он там просто стоял все время и я чувствовал, как на нем осели обида и ненависть, которые словно облепили и стянули запретный для меня "ареол". Моя комната, доступна мне вся. Возможно, из-за обилия сатанинских и языческих символов. Постеры и плакаты на стенах. Пентаграммы на памятных билетах, самодельные кожаные футляры с сиглами Гёэтии, для поддельных зажигалок зиппо. Да и всякая мелочь по типу колец, ожерелий и прочего. Самое важное и тёплое из них - фотографии. Когда ни будь умрут мои родители. Жильцы сменятся и неприкосновенный музей моей вечной, но скоротечной молодости, окажется вне моей досягаемости - на свалке. Некоторые вещи мне очень захотелось сохранить. Не думаю, что это мать с отцом заметят. Я сделал небольшие прямоугольные углубления под плинтусом. Горизонтальные могилки в бетоне. Из медной проволоки, я сделал внутреннюю окантовку, а латунными пластинками обложил бетон. Отец когда-то был электрик, так что в кладовке этого достаточно. Пить он после моей смерти бросил, нужды продавать не было. Вот и скопилось. Да и не сказать, что я сильно много брал... хотя нет. Много. Когда я разложил все свои памятные вещи, во всех доступных мне местах (к которым добавилось непонятное мне помещение, где я убил духа того зверя), обратил внимание что я израсходовал метры проволоки и изрядное число пластин. Ну, надеюсь сюда никто не заглянет. А то будут упрекать друг друга в деменции или в развязке отца. Не хочу этого. Долгое время я посещал эти подплинтусные гробики и просто ностальгировал. Вспоминал переживания. Пожалуй, для меня это самый доступный способ переживать чувства и эмоции - воспоминание. Конечно, на основе тех, к кому я был прикреплен. Хоть я уже не питался ими, но отвязываться не собирался. Да и отчуждения, попыток очищения от себя я не ощущал.

Однажды, в моих гробиках начали появляться монеты. А в одном я обнаружил аж пять тысяч рублей одной купюрой. М-да, при жизни я был бы рад такой находке. Видимо, эзотерики нашли один из моих гробиков и начали искать остальные. Деньги мне мешали и я их складывал к своим родителям. Там все гробики были целы и не вскрыты. Впрочем, как и абсолютно каждый предмет в этом доме был на месте. Замечтавшись в своей комнате с наиболее любимыми вещами, я обнаружил пустоту в квартире. Вещи были недвижимы не просто так. Мои родители умерли. Их духи остались привязанными к квартире. Мы встретились. Они небыли рады. Оговорюсь и напомним, что я выражаюсь простым и понятным языком и они никаких чувств испытывать не могут. Это нечто другое. Они источали ужас, отчаяние и вину. Они увидели меня в облики духа паразита. Все время после поглощения духа зверя, я проводил время в воспоминаниях и не замечал, что привязанные ко мне души все время со мной, вне зависимости от своего нахождения в пространстве. Может, они и должны быть в аду, раю, перерождены - я не знаю. Это не моя судьба, оно меня не настигло. И для привязанных душ я - якорь. И отпустить я их не могу и, честно говоря, не хочу. Самосознание от меня все время ускользает, даже если я думаю, что нахожусь в себе, я не даю отчет о своем состоянии. В момент, когда я увидел души своих мертвых родителей, я осознал, что опустел. Насыщение от духа зверя улетучилось. Мои мать, отец и продавшие мне душу, сейчас питали меня. Это небыло питательно и это опустошало их, но это было необходимо. А самое главное, в питании своими родителями. В их мучениях я находил большое удовольствие. М-да, когда мне не было в них нужды, я желал им спокойствия и простил их. Но это было из-за сытости и отсутствия собственных чувств. Это было их собственное спокойствие из-за моей сытости. Другими словами, я ничего не желал, я просто думал то, что чувствовали мои родные. Сейчас они предо мной, страдают. Могли бы плакать - они бы истошно рыдали. Смотрят пусто, недвижимо. Их тоже ждет пустота. Мне это нравится. Остатками человечности, (а вернее мыслями живых людей к которым я привязан), я понимаю, что это ужасно. Но мне это необходимо для бытия. И я этим наслаждаюсь

Параллельно с этим, в других домах начали появляться такие же гробики. Но их делал не я. Их делали люди. Я начал слышать обращение к себе. Они обращались ко мне, как доброму духу или духу предков. Кто-то действительно был мне родственен. Я защищал их, от тех астральных сущностей и духов, что конкурировали со мной. От созданных ими же паразитов-самопроклятий я мог защитить не всегда. Да и не особо хотелось. Получится - хорошо. Возможно, почитатель заметит и заплатит. Желательно серебром или золотом. не сказать, что теперь это имеет особое значение, но... мне это нравится. Хотя, самое главное, что только я (или преимущественно я) могу ими питаться. И такую глупость, как с тем звериным духом, я не совершу. Я не откажусь от питания и не увязну в астрале как остаток самого себя, растворившись в пустоте. К слову, мои почитатели чаще других видели призраков, но тут есть тонкости. Я ими питаюсь и мне выгодно, чтобы они, простым языком, загонялись. Накручивали себя: "я хочу умереть", "я устал", "это моя судьба". Идет человек днем на кухню - я его подтолкну к мысли, он ее сознательно произнесет голосом про себя и высвободит часть себя. Я поглощу все, что смогу и захочу, а пустая оболочка этого же человека будет проходить по этому коридору столетие. И этот же человек, пойдя ночью или в другое время, почувствует, а если чувствителен, то и увидит свою же астральную проекцию или типа того. Опять же, термины - не мое. Подумает, что это призрак или я. Ночью - обязательно напугается, а я только и рад этому. Днем - редко что то интересное выйдет.

Постоянно приходится отбивать своих почитателей от других покровителей. Поскольку все зависит от сознания людей, сила покровителя не имеет преимущественного значения. От мыслей о христианском, исламском, любом другом Боге я их отбиваю по необходимости. Корректирую чувство юмора, постоянно наталкиваю на нужные мысли. Никто не сопротивляется,

все уже пришли ко мне, без какого-либо покровителя и защиты. И все думают, что это их собственные мысли. Они прям-таки убеждены в этом. Мне было бы забавно был бы я живой. Одна пара последователей родила ребенка. ОКР-щик с шизофренией – сказали врачи, после того как он подрос. Может быть. Но он с детства со мной общается посредством видений. В основном, я просто питаюсь последствиями его действий. Немного дополняют приятную картину его постоянные тревоги, по типу 3 раза посмотреть в пустую точку и сделать внутреннее усилие, которое, по сути, ничего не делает и не значит. На деле, он находит взглядом меня и передает мне небольшую часть себя. Мало, зато каждый день и на протяжении всей жизни. Со временем мои алтари изменились или преобразились в идолы. Отдельные последователи, строго говоря таковыми и не являются. Просто распространяюсь. Друг расскажет обо мне другому другу, я поселюсь у него в мыслях и если он "свободен" или занят чем-то несерьезным, я посещаю его. В зависимости от его чувствительности, слабости и жизненных страданий, зависит и моя частота. Вот такая вот бытовуха. Но у меня и хобби новое появилось.

Кошки, котики, котечки, котятки. Они классные. Посредством распространения, смог оказаться в приюте для кошек (и одного больного, но говорящего попугая) и большую часть денег начал прятать по углам там. Порой случалось такое, что завёрнутую тысячу, котик доставал из неприметной щели на глазах работника приюта. В первое время, их очень сильно это удивляло. Алтарей и поклонении стало больше, что небыло моей целью но я не жалуясь. Деньги - кошкам, а души и жизненную энергию людей - мне

В одном из домов, где я обитал, родился ребенок. Вообще, это не редкость. Но этот случай был особенный. Время реакции у меня, честно говоря, не очень и возможно прошло несколько недель или месяцев после его рождения. Я проник в дом через отца и увидел черного... ну скажем призрака. Черную херь над ребенком. Если бы духи могли пиццать и саться - он бы так и поступил. Вообще, я его изгнал без особых усилий. Возможно даже съел, сложно было заметить и ощутить. Нависнув над ребенком и желая совершить то, что делаю с каждым ребенком в своей власти я остановился. Подумал и сотворил барьер. Никогда такого не видел и тем более не делал. Голубой, мягкий и идеально круглый барьер вокруг ребенка. Само собой, от духов. Не совсем понимаю, почему, но я так сделал. Захотелось. Время было утро, я явился к его матери и сообщил о проделанной работе. Ну и еще, что он скоро проснётся от жажды, так что пусть идет к нему. Она испугалась и заплакала. М-да и чего я ожидал? (я не стал этим пользоваться, к слову). Странный был день. И желания контактировать с живым до этого тоже не возникало. Знаете ли, у мертвых нет потребности в общении, в друзьях.

Еще необычный случай был, когда я проник ни то в детский сад, ни то в приют. Там было занято, поэтому я аккуратничал и планировал работать на вторых позициях. Особо не наглеть, но я услышал пение. В целом, аудио информация для меня не нова, ушей у меня много - каждый последователь. Другое дело, что слушать нечего. Радио или музыка, новости или пьесы - толку то. Но, тут что-то не естественное произошло (для духа паразита уж точно не естественное). Не могу описать, что я ощутил. Словно плакал. Может это раскаяние? Не знаю. После нескольких десятков или сотен посещений и слушаний (после смерти пропадает привычка как таковая, так что мне совсем не надоедало и каждый раз был как первый. Ладно, немного преувеличиваю. Ведь не все были талантливы. Но теплоту я питал одинаково ко всем.) Вообще, я заметил, что дети умирают. Может, один раз в лет 5-10. Тварь, что тут обитает их жрет. Воплотился ночью, что бы небыло свидетелей (охранник если увидет - 1 человек не свидетель. Даже если и поверят. поверить и увидеть самому и знать - не одно и тоже). Под потолком в одном из помещений (я не знаю что это за помещение. Мне не видно) под потолком летали шарики. Я чувствовал, что это были души. Уж не думал, что в реальности может быть что-то из фильмов

и книг. Мог бы удивиться - обязательно так сделал бы. Впрочем, мое представление о мире менялось уже не раз. Я напал на духа. Убивать или поглощать цели небыло, да и не смог бы. Просто изгнать отсюда. От детей. Пусть жрет где-нибудь еще. Там разберутся другие. (хотя, скорее всего, нет. Люди не обратятся, а боги без воли человека делать ничего не будут) Моя воля... как то громко звучит, но по другому сказать не умею. Посредством воли я изгнал влияние тьмы из здания и освободил детей. Шарик полопался, штукатурка посыпалась. Прибежала старушка охранница и увидела меня. И потолок в счастливых детях. Ой. Их я освободил - не хотелось доедать... ладно, вру. Мне было их почти жаль. Не совсем, но почти. Эмпатии у мёртвых нет. Я ушел. Вскоре моих алтарей стало гораздо больше, как и подношений. Начал содержать еще пару приютов. В основном кошачьи (люблю кошечек-котят, напоминаю), но и другие приюты иногда поддерживал. М-да, забавно выходит. Самый надежный способ пожертвовать в приют - отдать в жертвенный алтарь, а духи разберутся и точно не своруют. Вообще, я думал делать накопления на всякий случай, но я помнил и про инфляцию и про смену валют. Так что смысла в этом нет.

С момента моей смерти прошло 80, нет, 87 лет. ко мне явился женский дух с которым мы были близки при моей жизни. Он сообщил мне, что жалеет остаться со мной. Как же она долго ждала. Я согласился, что то меня тянуло. Наши души были связаны, но иначе. На равне. при этом ее дух небыл осквернён моим... скажем так, питанием. Две звезды в солнечной системе. Красный дворф и синий гигант. Равны друг перед другом, но не для других. Мы воплотились в пустом доме моих родителей. Она пустовала. Мы здесь жили. Точнее, имитировали жизнь. Считай, играли в жизнь как дети. Она напомнила мне про моего лучшего друга. А ведь какие разные у нас получились жизни. Он бросил пить раньше, чем попал в могилу - а я нет. Может его душе не придётся умирать. Может нашел какое прибежище - сказал я ей. Она предложила прийти к нему. Мы так сделали. Пару недель, что бы не пугать, давали знать что мы рядом. Как-то под вечер, сначала заговорили, а потом и воплотились у него. Поговорили, как тогда, при жизни. Ощущение что все дорогие мне люди пожил и за меня и это хорошо. Рад за них. И рад встрече при их жизни. Было интересно то, что он рассказал про свою лучшую подругу. Просто подругу - без этих клешированных историй вот, «любил ее 90 лет, а она вышла за другого.» Нет. Он сказал, что у нее проблемы из-за рода. В подробности вдаваться не буду, но у нее были способности и в молодости она заигралась с магией. Я предложил помощь. Он предложил, в свою очередь, помощь в проникновении в ее дом. Все сделали, попали. И да, теперь мы с моей... мета-девушкой? Не знаю как выразиться менее глупо, ходим... перемещаемся вместе. Во всяком случаи основное эго я держу рядом с ней.

Она была уже совсем старая. Некрасивая, еще при молодости, с лишним весом. Опять же при молодости и не любила людей, но очень любила кошек и писала красивые стихи. Я не любитель стихов, но некоторые очень даже ничего. Я игрался с ее кошками и ждал ее смерти. Как она настала, к ней явился красный гад с красным ареолом. Никогда таких не видел, а я повидал много и даже больше. Я, можно выразиться, напугал его. Чувствовал как становился больше. Руки-ноги длинее, ну и все такое. Он завизжал что-то вроде: "сколько же у тебя последователей. Тысячи? Десятки тысяч?" А я и не знал сколько. Вообще, договорился с этим гадом и кое кем еще. В этом доме, как мы все знали, должен был родиться мертворожденный. Мы душу этой дамы помещаем в него, и вот как он проживет свою жизнь, туда и попадет. Так и поступили. Кое-кто был согласен, а гада и не спрашивали. И этот Кое-кто сделал... не знаю как выразиться. Он позволил, он дал этому незапланированному рожденному (этой даме) продолжить свой род, а родить он должен был двух близнецов, одним из которых будет мой друг, а вторым моя метафизическая девушка. А я буду рожден от того ребенка, которого тогда защитил. Так мало этого, нас еще и сведут при жизни. Вот так. И, само собой, мне пришлось

отказаться от покровительств, а точнее от пастушества над всеми этими людьми. Я рад такому исходу. Мне дали еще один шанс. Главное не облажаться в этот раз.

Трупный возраст

Хочешь я расскажу тебе сказку? О добре, зле и незамеченных проблемах. Эта история полная выдумка, но в то же время была на самом деле. В ней столько же правды, сколько и неправды. Как такое возможно? А разве история обязательно должна документировано-достоверно случаться в вашем маленьком мире, чтобы быть правдой? Герои этого сказочного мира жили, и не раз и не два, и даже одновременно и живут сейчас рядом с вами. Ведь мир большой, просто огромный. Эта история – услышанный кем-то его тихий и успокаивающий голос, рассказанный жизнями многих. Причём произошла она совсем недавно, на окраине столицы туманного Альбиона, а её героями были маленькая десятилетняя девочка по имени Стейси и её лучший друг шестнадцатилетний парень Драго. Имя, кстати, парень выбрал себе сам.

Стейси добрейшая девочка во всем городе, а может даже и на всем острове. Обычно была очень весёлой, но чем она становилась больше, тем больше у неё появлялось проблем. И они её очень, очень печалили. Как хорошо, что у Стейси был старший друг, который всегда помогал или решить проблему или понять, что это и вовсе не проблема. Драго, был очень мрачный, но в отличии от других таких же чернушек, он не звал мир плохим местом. Не обижался на него, ему просто почти ничего в нем не нравилось. Говоря о нем, Стейси описывала родным его так: «Он из грустных-мрачняшек, которые умеют улыбаться. Почему-то её бабушка с мамой очень волновались, когда она говорила о нем. Наверное, просто, потому что они и не видели его никогда, ведь он всегда входил в окно. «Ведь так интереснее». Да и виделись они не очень часто. Обычно он приходил как раз когда у девочки падали первые слезы с лица или сердца.

Стейси шла домой со школы по узкой улице, по сторонам от неё были тёмные от сырости и древности двух-трёхэтажные дома. Под ногами мокрая, от редких капель начинающегося дождя, серая дорога и такое же темно-серое небо над ней. В какой-то части этих бесконечных стен с разваливающимися окнами и тяжёлыми дверьми был её дом. До которого она, кстати, уже дошла. Девочка почти доросла до острых верхушек черного чугунного забора её скромного неухоженного двора. Дверь открыла бабушка, которой будущей зимой будет уже семьдесят восемь тяжких лет. Поцеловав её, она сразу поднялась на второй этаж в свою комнату. Сейчас ей просто хотелось лечь в свою кровать. Она устала, очень устала. Через десять – двадцать минут беспокойного полусна, черный ворон сел на пристройку возле окна Стейси, с обратной стороны ее дома. Заглянул в окно с раскрытыми шторами и ударил клювом стекло два раза. Стейси сразу побежала со сна, в свою жизнь, в сторону окна своей комнаты. За ним сидел молодой парень. Драго. Девочка улыбнулась, опрокинула голову на бок, и игриво посмотрела на него. Парень, сдерживаясь, улыбнулся в ответ смотря в глаза. Стейси медленно открыла ему окно и сказала:

— Ну привет... с чем пришёл?

— Вином. Но вино в словах. Не спаивать же тебя по-настоящему, посадят далеко и на долго.

Парень влез в окно, оставил перевёрнутые белые кроссовки на подоконнике и как обычно прошёлся в чистых белоснежных носках по учебному столу рядом, сев в удобный новый крутящийся стул. Девочка села на стол, радость встречи прошла и вернулась старая тоска.

— Поговори со мной .

— О чем?

Откинувшись и закрутившись, зотяжно ответил парень.

— Расскажи что-нибудь, о чем ты думал.

— Пока шёл к тебе, чуть не захлебнулся от слез отчаяния с неба.

— Это зовётся дождик, дурашка.

Сказала она с лёгким смешком.

— Тсс, так не интересно. Пусть будет плачь птичек по любой смешной причине. Давай сначала ты расскажи, что у тебя случилось. По голосу слышу, что ты сама как те птички.

Он встал на колени, облокачиваясь на спинку стула.

— Помнишь, я тебе рассказывала про мальчика из школы? У которого ушёл из дома пройтись-погулять, уже лет пять назад папа? А мама теперь постоянно гуляет ночью и ищет папу. Он драться ещё со всеми начал и в школу почти не ходит. Недавно девочку из моего класса обидел, и его наши мальчики сегодня сильно побили.

Драго повернул стул спинкой к Стейси. Сидя теперь уже не подвижно, он внимательно смотрел на отражение девочки в зеркале в другой части комнаты и кивнул, вспоминая про этого беспризорника.

— Ты из-за него переживаешь?

— Жалко. Он же не виноват, что остался один и совсем без помощи. Он же не понимает, а они не видят, они все не видят, что творят..., делают только хуже.

Стейси заплакала. Ее сердце отяжелело.

— Стейс, ты не сделаешь лучше. Не сможешь не им, не ему. Тебя не услышат, может даже против тебя выступят. Не делай себе хуже, такие беды есть у каждого, просто ты их не видишь. Ты даже своих-то бед не замечаешь. У тебя слез не хватит их всех оплакать и сил, чтобы хоть кому-то помочь. У тебя большое сердце, доброе. Ты обитель добра в этом мире. Но, Стейсти, нету добра без зла. Ты так с ума сойдёшь к моим годам.

Выдержав ровно девять секунд молчания, дав оплакать старую тему разговора, он завёл новую. Тщательно подумав перед этим, обращаясь мыслю к своей подруге : «Это будет банальная тема, но я скажу, ведь у тебя все ещё нет ответа на эти вопросы.»

— Ты слушай, этот город давит на меня, что не квартал, то кладбище с живыми мертвецами, где гробы-дома.

— Хва-атит, опять ты о страшном.

— А что страшного? Ты смерти боишься?

Сказал он с лёгкой, доброй насмешкой, узнав в этом детском страхе себя прежнего.

— А ты знала, что можно не умирать?

С напущенной серьёзностью продолжил он.

— Как говорил один мёртвый вечноживой о нашей столице, «этот город страшней, чем оживший мертвец» ...

— О, а как это так, "мёртвый вечноживой", так он умер или нет?

— Когда ты умираешь, в этом мире ты живёшь в делах своих. Если у дел была красивая цель, к примеру, делать мир лучше. Добавляя в него красивые песни, страшные, как у Достоевского, книжки, умные, как у Менделеева таблицы, то тебя будут помнить. Как давно бы ты не помер. Твой голос будет звучать и успокаивать через динамики того, кому сейчас раздирающе плохо... А тот, кому плохо, когда через время будет вспоминать свои мучения, то с уважением вспомнит о тех, кто отзывался в его чувствах и отражал их. К примеру, в виде музыки, книг, идей. Ну и о том, кто придумал наушники... и о всех китайцах, что их делали.

— А ты будешь жить вечно? Ты же знаешь, как не умирать?

— Смотря в каком смысле. Если не жить, то ты и не умрёшь. Разве похоже, что я действительно живу?

— Но ты тут сидишь.

— Но этого недостаточно. Я многое не могу, остальное не хочу. Я давно перестал жить и начал доживать.

— Значит, ты не умрёшь?

— Когда-нибудь я все же окажусь дома. Правда, домик тот тесноват, но ничё.

— Ну ты зануда. Давай о скучном говорить не будем. Лучше скажи, какие страшилки писал Достоевский?

— Он писал правду о людях. Ты в школе его потом проходить будешь, но я тебе советую его пока не читать. В школе это слишком рано, и ты просто не поймёшь ничего. Или поймёшь не так. Все задания я сделаю за тебя и сам буду рассказывать тебе нужные истории, что бы ты писала свою.

— Ты же говорил когда-то, что каждый пишет историю своей жизни. Значит я в любом случае напишу свою.

— Когда я это говорил, я не знал, что не все истории имеют конец. Они просто останавливаются в начале и всё. Это хуже, чем страшный конец. А я тебя научу видеть хэппи-энд в любой сказке.

— А может лучше-можно её не заканчивать?

- Можно, но не нужно. Нужно закончить, чтобы начать новую. Лучше или хуже, как повезёт. Если твоя сказка про страх и боль, значит следующая будет про счастье. После голода, для тебя даже хлеб будет сладким и это будет не иллюзия.

— То есть, быть бессмертным плохо?

— Быть бессмертным сложно. Пока ты не поймёшь, что за концом всегда идёт другое начало, ты смертен. Но за то так интереснее. Нет ничего однозначного. Не бывает только добрых или злых людей, белых или черных героев. Есть разные оттенки серого – смешение разного количества добра и зла. Ты можешь делать акцент на добро, но без добавления хоть капли зла, ты сломаешься.

— И что я должна делать по-твоему? Бить того его со всеми?

Стейси снова вернулась к теме того мальчика. Драго не сразу это поняв, помедлил с ответом.

— Н-нет конечно. Добавь каплю зла в себя. Он же получает не просто так. Да, ты видишь всю картину и причину, и итог, а они не видят. Для тебя они злодеи, а он жертва, для других всё наоборот. Просто прими мир таким, ты поймёшь, что это не безумие, а порядок. Его нельзя осознать, будучи его частью. Этот мальчик вырастет хорошим парнем, если поймёт урок. Прими эту черную звезду, за его несчастьем будет радость. Он сможет сделать больше, чем когда-либо сможем мы. Только если справиться.

Девочка уже перестала плакать. Она легла на кровать, и закрыла глаза. Ее лицо побледнело, она закрыла глаза и улыбнулась до ушей. Она стала спокойна. Она поняла, что переживать правда не из-за чего. И продолжила говорить:

— Он потом поймёт, что никогда не умрёт до самой смерти. Даже как-то странно. Как то, что он наполучал шишек сделает его сильным?

— Люди неидеальны и глупы. Иногда, их нужно пнуть, обидеть, перевернуть весь их мир. Чтобы вытрясти всю дурь, которая обязательно есть в каждом из нас. Сами мы от неё не избавимся, даже если и найдём. Но специально никто этого сделать не сможет. А если попытается, то в конце жизни узнает, что он сам – дурь. Ему сейчас очень плохо, но ему... можно сказать неосознанно помогли. Если он получил шанс. Это лишь одно из первых испытаний на пути к высокому, на эти шишки наложатся другие и получившийся панцирь. И его не пробьёт ни кинжал тоски, ни коса смерти.

— Не знаю. Вроде правду говоришь, но мне все равно плохо.

— Просто ты согласна головой, но не сердцем. Оно у тебя слишком доброе от того и плачет вечно. Раз головой ты со мной согласна, то и сердце скоро согласится, но пока, как обезболивающее, предлагаю дозу яда. Как и вино, в виде слов.

Во время этих слов Стейси смотрела на мертвецки бледного, почти прозрачного своего друга своими добрыми зарёванными глазами. Она увидела, как сострадающий и жалостливый его взгляд стал ехидным, а лицо исказилось в большой ухмылке. Стейси оказалась как бы в

змеиной ловушке. Искренне испугавшись укуса, после которого ей никогда не оправится. Стул, на котором сидел Драго, был развернут к девочке спиной. Пока он говорил, встал на колени и возвысился над девочкой ещё больше. С концом фразы, не отводя хищный взгляд, опустил одну ногу назад, на пол для опоры и развернул стул по своей оси сделав рывок в сторону окоченевшего ребёнка. Он открыл рот и заговорил. Его не было слышно, это была не речь. Парень молча сказал два слова. Стейси их услышала. Она их приняла в себя. Необъяснимая, беспричинная для стороннего, улыбка разогрела её онемевшее от слез лицо. Тело залилось холодным оловом. В её комнате старый потолок, с паутинами и жёлтыми пятнами покрылся тучами. Молнии с него били за спиной Драго, звук ударов отражался в глазах Стейси. Ей больше не больно.

На следующий день, поздним лёгким утром выходного дня, спустя три мгновения после тёмного, глубокого сна она испугалась, что теперь другая. Она вспомнила про того побитого мальчика. Ей теперь его одинокого жалко и спокойно за то, что с ним сейчас и то, что будет. Конечно, она не оформляла свои мысли в такие сложные для ребёнка слова. Без них, мысли в чувствах отражаясь, понимались её умом и сердцем ещё лучше, чем у взрослого в ограниченных понятиями и значениями - словах. Через день, неделю или месяц, повзрослевшая умом девочка захотела погулять со своим необычным другом. Они уже пару раз виделись на улицах. Стейси знала его обычный маршрут через узкие переулки и городское кладбище, стоявшее с момента постройки первых домов в её районе. Она не боялась идти через такие места. Ведь хоть уже был почти вечер, когда она дошла до тяжёлых, потрескавшихся склепов, солнце ещё светило слегка алым оттенком. Вечерний холод или глупый страх давно полностью мёртвых людей её не волновали. Драго ходил через извилистые тропы кладбища всегда одной и той же дорогой через самые простые надгробья и кресты. Стейси уже ходила пару раз здесь. Тоже вечером и читала имена и годы, порой очень короткой, жизни. Тут все разы сидела старая женщина, очень тихо говоря с парой цветов на аккуратном земляном бугорке. Через неё нельзя было увидеть годы жизни и имя похороненного. Но почему-то Стейси была уверена, что там лежал её ребёнок. Забив голову тяжёлыми мыслями, а сердце первыми с прошлого разговора с Драго переживаниями, она вышла с кладбища. И перейдя дорогу зашла за угол почерневшего дома в чистую, извилистую с проросшей травой подворотню. Её сердцу стало невыносимо тяжело на столько, что она ели могла идти по своему пути. За ещё одним поворотом, в глубине домов с вечно закрытыми ставнями, битыми стёклами или вовсе заколоченными окнами, посреди старой брущатки лежал бледный Драго. Лежал прямо, открытые глаза направлены в редкие алые облака. Его руки лежат на груди. Правая держала два цветка ромашек, а левая держала маленькую, прямоугольную фотокамеру. Стейси не видя лица парня. Но даже за секунду до того, как его увидела, знала, что это он там лежит. Не живой. Мир в глазах поплыл. Окна домов, на фоне из ровной решётчатой структуры, стали напоминать хаотичные соты пчёл. Пока девочка бежала к своему другу, в её сердце была наивная надежда, что это не он. Даже когда она, склоняясь над ним, смотрела прямо в его спокойное, окоченевшее лицо она не могла поверить своим глазам. Она упорно, злостью вытирала залившие её мир слезы, в надежде увидеть чужое, незнакомое лицо. Надежда быстро покинула её, сделав и так невыносимую боль ещё сильнее. У Стейси перехватило дыхание. Все тело содралось от конвульсии, и она упала на спину рядом с ним. В сторону головой к месту, от куда пришла. В контраст с трупом, она увидела, как будто со дна старого кирпичного колодца, темно-синее небо с ярко-красными облаками – отражение заката. Стейси закрыла глаза. Там, от куда шла девочка, появился совсем молодой парень. Он спокойно подошёл к девочке, медленно присел рядом с ней, наклонился ближе к её лицу и сказал только три слова.

— Добавь немного зла.

И увидел, как её красное от слез и горя лицо, превращается в красивое ярко белое улыбающегося до ушей лик мультяшного скелета. Как из старых мультфильмов, которые она так почему-то любила. А в её открытой груди, смиренно и размеренно билось огромное, почти во

всю грудную клетку, залитое мягким светом, красное сердце. Под девочкой проросли жёлтые одуванчики, над ней запели птицы и сквозь дома, за её головой показался закат. Парень, поражённый красотой, достал маленький, прямоугольный фотоаппарат и сделал самый красивый снимок.

Стейси открыла глаза, она лежала совсем одна на брущатке. Облака, дома, ничего в этом мире не изменилось. Но ей теперь спокойно, в её мире изменилось все. Девочка умерла и родилась заново. Она что-то поняла, но пока не может найти этому слов, только чувства. Девочка пошла домой. Шла той же дорогой. Ещё никогда она не чувствовала такую лёгкость. На кладбище, молча сидела все та же женщина. Стейси подошла к ней ближе чем осмеливалась раньше. Увидела имя на плите – Дарби Борн. Сверху подписано мелом – Драго.

— Он мой друг.

Сказала Стейси. Потом описала женщине его внешность, повадки в общении. Характер и секреты, которые он ей рассказывал. Шокированная старая женщина, хотела услышать больше, но уже темнело. Жила она недалеко и пригласила девочку к себе. Стейси, позвонив своей матери, согласилась. У неё дома, Стейси рассказала все что знала о своём друге, о её сыне. Женщина показала его комнату. В ней уже несколько лет всё лежит на том же месте. Но успокоенная женщина разрешила брать всё. Стейси увидела маленькую пыльную фотокамеру на кровати. Девочка взяла её и попробовала включить. И, что странно, она оказалась почти полностью заряженной. Стоя в комнате его друга, она смотрела на его жизнь в его фотографиях. На последней фотографии, она увидела на заросшей травой и цветами брущатке, скелета лежащего напротив переулка двух кирпичных домов, в доль которых спускалось алое солнце в мягкие облака. Руки скелета лежали на груди, из которых лился нежный цвет, а его костяное лицо выпускало счастливую улыбку.

Король ада

Среди далёких от любого сознания и людского внимания. Среди непроходимых мрачных лесов. Бесконечных, сырых и мерзких, опустевших звериных пристанищ. Родился мир. Такой же реальный, как ты и твоё "я". Мир приятных и тёплых, как масло мягко-жёлтых, домов и дорог. Там живут, за закрытыми замками, добрые и наивные, всё на чужом свете понимающие, маленькие люди. С тонкими, как нить идейного смысла, голосами. И светлыми, как небо для приговорённого к смерти, глазами.

Пускай, для простоты понимания, они были детьми. Иногда, эти дети освобождались другим ребёнком. Совсем другим, он был не как они. Чёрные, как беззвёздная, но светлая городская ночь волосы. Вечная как жизнь и весёлая как свет, улыбка. И такие же, как и у местных "детей", ярко-голубые глаза. На свободе, светлые "масленные" дети, вместе смотрели в Иное сверху, в небе. Они решали смеяться и радоваться Им. Или восхищаться и радостно визжать тому, что они там видели. От их решений завесили оттенки красок их мира. Они глядели на тот, другой мир и кричали в небо свои желания. И они исполнялись. Порой, совсем редко, на небе было страшно. Из других, чужих миров, вытекали по светлому небу солёно-горькие реки. И дети кричали, "помоги ему" и горький дождь сменяло солнце. И всё страшное всегда заканчивалось, и всегда хорошо. "Ведь хорошо — это умно." Как говорили они.

А зачем делать плохо? Плохого на небе и так порой бывает слишком много. Наш мир не станет ещё ярче и светлей, если мы погасим другие на небе. Облака чужого горя перекроют нам наше солнце. Делай хорошо всем на свете и все на свете будут делать хорошо тебе. Так людской мир станет похож на наш. Ну, если до этого в него не прилетит что-то большое... может, даже с кем-то большим.

Мальчик лет пяти лениво проснулся, потянулся, улыбнулся. Его зовут Адик и у него всё хорошо. Сон час в его садике только что закончился. Его глаза смотрели на других таких же, как и он. Дети с самыми разными подкожными цветами. Только Адик мог "видеть" этот второй цвет. Одни были светло красные, как спелый гранат. Другие оранжевые как мандарин. Дети отличались чем-то ещё. Цвета волос, глаз, кожи, но это было не так интересно, да и не важно совсем. Дети из другого мира... назовём их "маслята", чтобы не путать с просто детьми. Сам Адик их словами никак не называл. Маслята скоро заметили, что они — самые светлые, мягкие и правильные. Но, так как они были слишком скромные и наивные, они приняли мысленную доктрину — «Мы можем и не видеть их настоящие цвета, вдруг их кожа или наши глаза меняют истинный цвет? Ведь может оказаться так, что мы не лучше их. Честно хвалим себя за эту аккуратную мысль, но не считаем себя лучше, мы можем ошибаться». Маслята пока не научились говорить. Всё это они заключили в образ и сохранили у себя внутри. Теперь они просто верят в то, что это правильно. Верят, но не знают этого. Что бы заключить веру в знание, нужны слова, а они не знают нужных слов.

Длинным днём, они видят во снах возможности сделать детей такими же, как они — светлыми и такими же масляными. Ведь самих масля сколько не режь, сколько не протыкай мягкое сердце, таких вечно свежих, вечно незаплесневевших тел. Раны их затекут и исчезнут, а дети убегут, с плавящимся в груди ножом недоубийцы, в своём бессмертном сердце в свой смертный дом и всё пройдёт. Так же правда лучше, чем просто умереть, оставив вместо себя черную плесень сомнения?

Адик открыл глаза. Он опять задумался, о чем-то не совсем непонятном даже ему. В то время, пока другие дети во время обеда делали из корок хлеба пистолеты и стрелялись. Справа раздался резкий звук, как из-за другой стороны аквариума. Он звучал, как взрыв баллона газа, в чьём-то доме из новостей. Это был просто крик другого ребёнка, прямо за плечом Адика. Испугавшись, Адик обернулся и увидел направленный в него черный пистолет из ржаного хлеба. Тут он услышал смысл слова: «убит!»

Через пару игр с друзьями, его забрала мама.

На улице тяжёлый, серный воздух. Чёрный талый снег и облупившиеся серой костью, жёлтые дома. Адик с мамой ехали домой в тёплом такси. Папа опять не смог забрать их. Он ведь пожарник, опять дом загорелся. Людей спасает, значит. Тут Адик вспомнил недавний обед, в голове закричало слово «убит!». Он знал, что такое смерть из некоторых мультиков, фильмов и рассказов друзей папы. Он её не боялся, ведь считал, что понимал её. Но тут ему стало почти страшно, и он спросил:

- Мам, а ты будешь жить долго?
- Да, конечно, сыночек.
- Точно-точно?
- Точно-точно.
- Правда-правда?
- Правда-правда.
- Так и будет.

На самом деле его отец лежал на квартире у друзей, в пьяном, чёрном сне.

Долгий день закончился, подобно бутылке водки, рождая печаль и жажду повтора. Не было мрачных туч и раскатов грома, как это часто бывает в сказках. Не было всплеска безумия, как это случается в фантастических рассказах. То, что случилось, проявлялось во всем. Во всех смыслах, всех слов, светлого мира Адика. В жилы крепкого фундамента горячей веры

— влили холодное, серое уныние яда. Разрывающего ледяными кристаллами её фундамент. Теперь оно вечно, как "я" в представлении самого себя. Его можно усыпить, но нельзя убить.

В этот раз, в тёплый город вечных детей, Адик не пришёл. На окраине города, в сквере с мягкой зеленью, появилась земляная воронка, превращающая всё вокруг в гниль. Из неё вылез полу-призрачный, пепельный, с прожилками жёлтых струй гнили на теле, олень. Стон, из вечно искажённой, выдохнутой вместе с самой жизнью в тело, непонятной живому мукой, одинаково пронзительно был слышан везде. Бледные зрачки, с голубым лазуритовыми белками, видели только самих себя — мёртвых и холодных. Видели в чужих окнах, в чужих домах, в чужих своих и во всех чужих мирах. Наклонённая к серой раздробленной дороге города, пепельная голова не угрожала, как должно гордому зверю, своими белыми, древесными, треснувшими рогами. Но молила о помощи, которую живой или мёртвый дать не мог. Его спасение — страх первых и отец остальных. Это все, чего он любил и желал. Но любовь его сильно напоминала любовь застенчивого мальчика полу-инвалида к девочке-старшекласснице с соседней квартиры. Она была не взаимной. Но в то же время, она всегда была рядом и даже иногда навещала родных и близких. И ему она уделяла знаки внимания, проводя ледяной рукой по шее. Но только из-за презрения или желания помучить больную душу и гнилую тушу убожества.

Живой мертвец расширил город. На его окраине появилось небольшое, тихое место. Пещера, окутанная туманом. Пустая, тесная, длинная кишка, в которой лежал сам Гинос — тот самый зверь. Всем своим видом он доказывал сторонним наблюдателям — холодным, светло-синим призракам, которых создал он себе сам, что именно в такой каменной сырой "кишке" ему и место. Да и он сам искренне думал так же.

Гинос — образ. Живой-неживой. Как и мальчик, в мире своего образного, детского разума, знающего все нужное для счастья априоре. Зверь — образ создания своего нового "я", новой стороны личности. Лишней стороны, которую создали в других мирах и пустили как паразита. Носитель этого вируса в жизни будет до смерти, как будто бы болен. Он всегда ведом и слишком безобиден для других.

Он останется тут навсегда.

Светлая ночь, пересечение улиц, разбитый фонарь, закрытый бар. Мальчик лет 15. Высокий рост, бледная кожа, вытянутое лицо и изуродованный Гиносом взгляд из его холодных, синих глаз. Они смотрели в лужу с радужными кольцами машинного масла с бензином, но вместо цветной химии видели только серую пелену и туман.

У него есть хорошие друзья, родители и куча обычных, скучных проблем. Обычную жизнь омрачал яд. В нем жила ненависть к себе. Постоянная тоска заставляла вечно задавать себе вопрос "зачем?" Этот вопрос появился слишком рано, ответ ещё не мог родиться. Все гнетущие его проблемы были исправимы, кроме одного и это было гнилым местом, в скорлупной защите его разума. Собственное тело. Болезни, врождённые и приобретённые, питали его главную болезнь и порождали ненависть.

Картина реального мира превратилась в сплошной туман, краски мира были только чёрные и белые. Голос Гиноса убеждал в вечности этого состояния и полной безвыходности. Быстро сменялись недели и месяцы, года. Но при этом, каждый отдельный тянулся невыносимо долго. Уныние высасывало всё наполнение тела, оставляя оболочку бродить по земле в полусне. Нет интереса. Нет задач. Нет цели. Нет сил. И нет сил терпеть это, ничего не помогает.

Бессилие, пронзающая вечная тоска вымораживала душу, изнемогала тело. Ни осознать, ни забыть — проклятие Гиноса.

Так в нем зарождалась абсолютная ненависть. Осознание человеческой неидеальности и собственной ущербности, медленно питало её. Пока ненависть была только частью тоски, её постоянным, стабильным источником. Гасило это чувство только любовь. Любая, в любом её проявлении. Только на это нужно было время. Безгласная речь, возникшая из-за осквернения чистого мира чужой глупостью и невежеством, позволило родиться абсолютной ненависти внутри.

«

Ты — мясо.

Ты — слаб.

Твой убеждения — лишь вера.

Мои слова — доказуемая истина.

Почему ты живёшь? Ты этого не хочешь. Тебе нравится пить? Есть? Выпивать? Это жалко даже для собаки, и ты это знаешь. Любая хвостатая тварь хотя бы служит тем, кто выше. В жизни любой брошенки было больше смысла, чем сейчас в твоей.

Ты убеждаешь себя, что веришь, но думал ли ты о том, во что ты вообще веришь? Может в блятского деда, мага-волшебника? В ничто? В долгую, счастливую жизнь? Спасла тебя твоя вера? Не отвечай. Не позорься больше. Не позорь нас. Слушай меня и мы станем сильнее. Мы станем едины.

»

Это не был голос. Это не были слова. Это не были мысли. Это ненависть. Чистая, режущая и опьяняющая... и такая сладкая.

Время шло, менялся мир, менялись люди, изменился и Ад Адольфа. Собственный мир стал напоминать тесную камеру, где больше не было ни отдыха, ни помощи. Пещера уныния с призраками порицания. И... нечто новое. Ещё сохранившее вид прежнего города детства. Но только вид. Небольшая детская площадка, с группой ребят, что представляли из себя сосредоточенья всех добрейших чувств своего Создателя, но они были дефектны. Они не умели кричать в небо. Они даже не знали, что так вообще можно делать. Им никто не сказал. А если бы они и узнали, то просто не поверили. Они все вместе — единая и неразрывная часть каждого человека. Кроме них, в этом мире родился кошмар.

В жалких стенах пещеры Гиноса, появился из тьмы и мрака новый образ. Его острый крик пробил само "я" создателя. Ожило в бешённом танце беса всё: небо, земля, дома и трупы. Трупы "детей" — идей. Трупы счастья, человечности и труп веры. Танец использовал их для резонанса всех болевых порогов души. Рвал ржавевшие шрамы. Крик был наполнен ненавистью ко всему, куда он мог пойти. Появились из мрака пещеры Гиноса кроваво-алые глаза и, снова, рога. Неестественно острые, каждый, как проклятая на вечную жизнь и жажду чужой крови, одушевлённая пика. Тело нового зверя — есть сам мрак. Все его мысли наполнены только ненавистью во вне себя. Его имя — Тан. Убийца и истинный зверь умирающего разума. Вместе с ним, у Создателя появился источник истинного безумия и разрыв между двумя мерзкими сторонами своего "я". Гинос и Тан. Два брата, два самых сильных чувства, пережили и переживали целый мир со своими целями и планами, со своей жизнью внутри жизни.

Саморазрушение, контролируемое догматами, которые сохранились со времён эпохи, рационально правильной детской веры, в уже навеки непостижимое, было остановлено и направленно во вне остова тела человеческого.

Саморазрушительная сила Гиноса со временем все сильнее охватывала сознание создателя, что в конце концов спровоцировало неадекватную иммунную реакцию разума. Убить то, в чем есть тоска. Убить всё. Так и был порождён Тан. Его можно убить, но невозможно усыпить. Зло не покоряется никогда. Гинос был во всём мире. И из-за его влияния на взгляд создателя — даже во всём реальном мире. Всё было насквозь пробито шипами отчаяния.

— Умереть. Всё. Должно.

Первое, что сказал полностью сформированный Тан – образ смерти и ненависти в теле живого и любящего.

Странно и забавно, но Адольф не стал убийцей, не стал маньяком. Его останавливала третья сила — ошмётки детства. Трое детишек на скамейке удачи в городе безумия. Они — сохранившиеся с ранних лет – Совесть, Логика и Честь.

Они не были убиты, осквернены и изменены или поглощены забвенным сном Первого Зверя. Просто, потому что не были хорошими. Они были силой — и только.

Совесть и Честь, две милые сестры – близняшки. Иногда они ругали Адика, а иногда кололи ножиками самое сердце. Они те ещё маньячки. Если вы считаете, что у кого-то их нет, вы ошибаетесь. Они просто во всем слушаются свою старшую, занудную сестрёнку — Логика. Но она слишком любит поспать. Иногда сном летаргическим. Если Логика скажет, что насиловать детей — правильно, ведь «это наша потребность». То Совесть и Честь будут только восторженно смотреть на сползание прекрасной луны по густому, жёлтому как гной загонгреной ноги, небу и улыбаться.

У Адика каким-то чудом сохранилась детская Логика. Но она нуждалась в знаниях. Знаниях о реальном мире. Без них она сохраняла детскую наивность. Его Логика помогала Адика понимать суть лучше других и позволяла осознавать вещи, идеи. И даже то, что всё доступно осознанию или хотя бы простому пониманию. Особенно Логика Адика любила абстрактные идеи о жизни. О своей, чужой, настоящей и ложной. Милая девочка. Видя её в Адике некоторые, его ненавидели, а некоторые почти любили. А может и действительно любили, но теперь уже этого не увидеть.

Жизнь Адольфа складывалась как у всех людей. После окончания школы, сдачи экзаменов и трудного и тревожного поступления в университет он, как и большинство его одногруппников и уже бывших одноклассников, словил десяток нервных срывов меньше чем за полгода. Только, если его знакомые в такие дни просто рыдали, выпивали, то он тихо копил ненависть. Адольф не мог её ни на ком выпустить. Совесть - сука, запрещала. Он хотел задушить четверть своих новых знакомых и забить ещё две трети, но оставалось просто бить стену, стол и остальную казённую мебель старого общежития. Уже первой зимой самостоятельной жизни, это был совсем другой человек. При взгляде на него порой казалось, что это бледное, измученное лицо и чёрное от грязи тело взорвётся, убив тех, кто был катализатором его ненависти. То есть всех вокруг. Его поведение уподоблялось звериному. Редкая улыбка теперь напоминал оскал, а в голубых глазах, полопались сосуды от бессонницы. Адольф призрачил свои самые обычные человеческие недостатки из-за Гиноса, а Тан заставлял ненавидеть всех людей из-за этих же пороков. Накопленная ненависть вырвалась неожиданно. Адольф ввязался в драку с полумёртвыми наркоманами поздно вечером в одром из замёрзших городов, бедной страны.

И опять.

Ночь, улица, фонарь... санитары.

Идея, чувства и сила заключённые в образ Тана были сильны, но галоперидол растекающийся по венам оказался сильнее.

После прибытия в бунтарский дом, Адика поместили в палату к ещё 7 психам и привязали руками и ногами к кровати.

Тьма. Мятный обруч сдавил мир. Не сон. Не жизнь. Это погружение в себя.

— Адик, зачем ты бьёшь?

— Ненавижу их.

— Почему?

— Они мерзкие, низкие твари. Животные, свиньи и тараканы, кто угодно, но не люди.

— Ты не пытался им помочь исправиться?

— Они не видят, они не слышат.

— Покажи им опять. Докажи им.

— Их глаза мне знакомы и понятны. Я их видел слишком много и слишком часто. Одни пустые. Так глупо и удивлённо смотрят, когда говоришь с их черепом. А другие полны гнили, будто щас лопнут от корыстной жадности... вот с этим я им помогу.

— А где ты их раньше видел?

— В зеркале. Хочу сжечь его.

— Если ты ненавидишь себя, исправляйся.

— Я ненавижу тебя. Ты меня провоцируешь ненавидеть. Ты моя плоть. Ты и есть я. И ты знаешь, что я из-за всех сил пытался стать лучше, но я стал только метисом зверя и человека. Копытным и рогатым существом на двух ногах книгой и ножом в руках. Я стал чёртом, Сверхчеловеком ебнутого немецкого философа — обезьяной с копытами.

— Стремясь к идеалу – человеку, ты становишься лучше. Значит ты уже хотя бы не ползаешь с бутылкой водки по подъездам.

— Умом я согласен, но сердце горит. Я несчастен в радости. Тело убого. Нет вкуса, нет любви, красок, запахов, есть только туман. Из всех чувств, чиста лишь ненависть.

— Прежде влюбить.

— Я выше этого. Теперь.

— Может станешь ещё выше?

— Я не хочу. Только человек, либо зверь.

— Крайности почти всегда недостижимы и ошибочны. Лишь ориентир, как маяк или два столба, между которыми всё золото. Ты сможешь назвать себя человеком если будешь стремиться к этому

— Человеком стать нереально. Я не верю. Я не видел их.

— Ты забыл, что ты ослеп. Во что ты веришь?

— Издеваешься.

— Это ты издеваешься над собой.

— Но почему я такой?

— Почему, какой-нибудь цитрус, без сока сухой? Глупейший вопрос даже для такого для апельсиньего жмыха, как ты.

— Я сух, потому что не чувствую радости, но почему?

— Ты же знаешь причину и тебе не нужна аналитика, чтобы её понять. Ты стал созданным тобой же образом,. Ты Гинос. И ты будешь им всегда. Теперь это часть твоего "Я".

Адольф тихо застонал связанный на кровати и не просыпаясь, выгнулся и издал тихий немощный крик отчаяния от ночного кошмара.

- Убью его.
- Убьёшь себя.
- Я умер много лет назад. Меня убили. Убили такие же трупы каким стал я.

Он проснулся, но не очнулся. Несколько недель он ходил, ел, грелся под висящим солнцем и иногда случайно даже задевал его головой. Несколько раз ему было больно, несколько раз улыбнулся, один раз особо большая крошка упала с губы. А, нет, это оказалась таблетка. И тогда частично вернулось сознание.

— Иду, меня ведут. Я думаю или ещё нет? Пришли. Я... хочу просто постоять. Просто один, и подумать. Не идти, куда вели и почему-то перестали.

Психиатрическая клиника состояла из двух корпусов. Мужской и женский. Пациентов повели в душ, который находился в переходе между ними. Из-за халатности или невнимательности санитаров, Адика потеряли и просто оставили между двумя соседними дверьми. Адольф случайно зашёл не туда. В больнице было мало по-настоящему невменяемых. Половина была почти здоровы. Если, конечно, можно сохранить хоть какое-то здоровье в холодном, бетонном аду с жёлтыми стенами... и безрогими чертями в халатах. Адольф прошёл вдоль пустой раздевалки в общий душ с кабинками без дверей. Его никто не заметил кроме одной женщины. Она смотрела не него большими удивлёнными глазами, тихо прикрываясь полотенцем.

Адик понял, что ошибся дверью, только когда увидел в контраст общей картине другого мужчину. Это бы санитар, что должен сопровождал мужскую часть психов. Он насиловал невменяемую. Сон Адольфа отходил, и он достаточно осознал происходящее.

В шуме воды тихо вышло слово.

— Тан.

Ярость. Крик. Психи. Крики. Санитар. Кровь. Ничего хорошего. Не повезло.

Всё одно, исхода нет.

После всего случившегося, ему поставили новый диагноз. Но не сочли нужным его назвать. Конечно, диагноз был верным и всё написанное врачами — правда.

Другая правда была внутри самого больного. Разорванное на осколки сущее человека заговорило друг с другом. Первое слово было за воплощением ненависти.

- Что ты есть, тварь?
- Я не есть.
- То, что ты тварь — ты не отрицаешь?
- Нет.
- Ты есть, воплощение гнили. Я хочу тебя убить.
- Я был бы рад, но по законам я не могу испытывать такие чувства.
- Есть только один закон — боль. И ты в ней утонешь.
- Я не тону в боли, я плыву по ней с рождения.
- Конечно, ты же её и создал, мразь.
- И тебя создал.
- И себя разрушил.

Не было действий больше и не было слов. Всплеск такой ненависти невозможно выразить в образе, его можно только почувствовать. Тан разорвал своего брата осколками самого себя. Но Зверь уныния не мог умереть, он уже был мёртв. Только, без брата ему не было чем питаться, и он просто уснул. Три сестрёнки в это время получили свободу, время и знания. Это научило их Кричать, а Адика думать умом и сердцем одновременно. Больше не было боли, радости, забвения или осознания. Только жизнь внутри жизни. Честь молчала, Совесть играла, Логика не смолкала.

Адика перевели в настоящий заповедник, для самых бешеных зверей. Это была не больница, а изолятор. Настоящая тюрьма. Особых надежд выйти отсюда не было ни у кого. Тут не лечат, потому и никогда не выпускают.

«Одиночество – желанное, блаженное одиночество, почему из-за тебя плачет сердце, как недорезанная свинья? Ты любишь образы людей, что тебе дороги, но не их самих. Ты любишь память, в которую превратилось время, проведённое с ними. Но это уже не они. Ты их изменил, потому что оказался тут. Тебе нужны только те, кому нужен ты.»

— Но я их мучения.

Заклучил Адольф. Мысли текут в его сознании рекой. Опьяняющей, созидательной. Раньше, эти течения приносили только холод рассудку и хаос во вне.

Лишь раз в неделю можно было увидеть врача и заговорить с ним.

— Жалоб нет?

— Нет.

И всё.

Хотя конкретно у этого человека действительно не было жалоб. Ни на здоровье, ни на существование. Любой, даже психически больной человек сошёл бы с ума опять, от участи быть запертым в 4 серых, тяжёлых стенах. Почти не видя ни людей, ни неба. Ему это нравилось, хотя обитая мягким материалом комната, даже без окна, ему нравилась больше, чем что-то ещё. Адик получил чего хотел — смерть. Он не живёт, это не жизнь, нет. Только доживание. В этих стенах сочетались райская возможность сутками быть в собственном "я". Фантазия давала свободу зверям сознания, в угнетающих стенах зоопарка психов.

Гинос – суть отчаяния, жаждущий своей смерти, заснул в ожидании светлого света надежды. Чтобы снова его осквернить и превратить его в, отражающийся от всего, болезненный стон гнилой тоски.

Тан – злоба, ненависть и суть разрушения — убит. После осознания достижения вечного одиночества и отречения от мира, его господин, родитель и создатель отрёкся от своих пороков. Он не мог их питать, а Тан не мог питаться ими. Нет людей — нет нервоотрёпки. Нет и жизни.

Адольф теперь не мечтает окунуть в огонь, грязь всего мира сего. Что ему удивительнее даже того, что он больше не ищет удобного места, где бы в интерьер красиво вписалась петля с его некрасивым телом.

Но теперь у него нет будущего. Не исполнить мечту. Не стать хорошим отцом, вожакон заблудших людей. Вообще никем. Да, он знал, что далеко не все в этом мире потерянные. Но так как он сам потерян, осознать и принять он этого физически не мог. Хотя совершенно глупая надежда иногда помелькает в его сознании, но Логика гасит её. Спасая этим остатки человечности внутри. "Я" от мерзости человеческих пороков, которыми, как полипами, облипает двуногое существо на пути к свету

«Хотите к свету? Катитесь знакомой дорогой – в ад». Шептало подсознание.

Просто подумать, был ли шанс раньше? Человек становится человеком только в обществе, неизбежно впитывая в себя его разно пахучие соки. Пока не набухнет и не растворится в общей серой массе. В безумном обществе, которое считает себя нормальным. Только нормальный, обычный безумец может стать человеком. Больше, чем зверем. Но это невероятно сложно. Но риск стоит того. Хотя, вас никто и не спрашивал и выбора не давал. Жизнь или смерть — это не выбор. Это последовательность.

У Адольфа не было жизни и раньше. Только ожидание и мучения. Не было желаний и интересов. Жизнь — не самодовлеющее явление, её ценность нужно поддерживать. Тело кормить белком и углеводами, а разум мыслями и идеями. "Душу" верой и надеждой. Мир — единство его частей. Человек — мир для своего сознания. Без поддержания одной из частей, вы станете либо мёртвой и гниющей тушей, плюющей желчью на всех; либо слюнявым зверем, для которого высшее наслаждение мира сего — шашлык из чужих страданий на выходных.

Не порок быть глупым, незнающим, нежелающим. Этого не может осуждать рассудительный человек.

Не порок совершить самоубийство. Этого не может осуждать рассудительный, посторонний человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.